

ЛІТЕРАТУРА

1. Маркова А.К., Орлов А.Б., Фридман Л.М. Мотивация учения и ее воспитание у школьников. – М.: Педагогика, 1983.
2. Маркова А.К., Матіс Т.А., Орлов А.Б., Формування мотивації навчання: кн. для вчителя. – Львів: Просвіта, 1990.
3. Аминов Н.А. Диагностика педагогических способностей / Н.А. Аминов. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1997.
4. Бевз Г.П. Методи навчання математики : навч. посібн. / Г.П. Бевз. – К.: Генеза, 2010.
5. Щукина Г.И. Активизация познавательной деятельности учащихся в учебном процессе: учеб. пособие для студентов пед. институтов / Г.И. Щукина. – М.: Просвещение, 1979.

Н.С. Войтенко, Б.И. Шатохин. Стимулирование и мотивация учебной деятельности студентов на занятиях по математике. – Статья.

Аннотация. Статья посвящена познавательным и социальным аспектам стимулирования и мотивации учебной деятельности на занятиях по математике. Авторы делают вывод, что формирование мотивации студентов является социальным заказом общества, способствует становлению личности, ее самореализации.

Ключевые слова: учебная деятельность, мотив, мотивация, стимулирование

Natalia S. Voytenko, Boris I. Shatokhin. Incentive and Motivation of Educational Activity of Students in the Classroom for Math. – Article.

Summary. This article is devoted to some aspects of motivation and stimulation of learning activities in the classroom for Math and is relevant at all stages of the lesson .

Key words: motive, motivation and incentives.

УДК 323.113(=512.161):314.743"1991/2015"

Я.А. Волкова,

аспирант,

Институт социальных наук Одесского
национального университета им. И.И. Мечникова,
г. Одесса, Украина

ТУРЦИЯ КАК РОДСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО: ФОРМИРОВАНИЕ СВЯЗЕЙ С РОДСТВЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ В ПОСТБИПОЛЯРНЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. В современном мире понятия “диаспора” и “родственное население” превращаются в важный элемент международных отношений. Многие страны работают над развитием инструментов публичной дипломатии, “мягкой силы” и расширением сферы своего влияния через их диаспоры. Формирование политики по отношению к родственным общинам стало одной из основных частей политики Турции, которая стремилась стать важной силой в регионе и в мире в условиях новых реалий по окончании Холодной войны. В данной статье освещаются особенности развития политики Турции по конструированию и укреплению связей с родственным трансграничным населением в посткоммунистический период, а также основные инструменты ее осуществления.

Ключевые слова: диаспора, родственное государство, родственное население, Турция.

В целом в литературе по диаспоре и транснационализму принято определять диаспору как мигрантов и их потомков. Международная организация по миграции дает такое определение диаспоре: «диаспора» – это мигранты или их потомки, которые временно или постоянно проживают вне страны, в которой родились или которая является родиной их предков, но поддерживают с ней постоянную связь [1]. Такое определение исключает такие трансграничные этнические группы населения, которые были образованы путем изменения границ или распада государств. Поэтому те исследователи, которые занимаются изучением отношений родственного государства (kin state) и разбросанного населения (stranded population) в основном не согласны с общепринятой терминологией о диаспоре. Видный американский социолог Роджерс Брубейкер ввел в научный оборот новое понятие – “диаспоры катаклизма” (accidental diasporas). Также встречаются такие определения как “застрававшие меньшинства” или “выброшенные диаспоры”. Их появление он связал с распадом государств, приводящим к изменению политических границ. Возникновение таких диаспор обусловлено не перемещением людей через границы, а перемещением самих границ, изменением политической карты. Данный феномен имел место после крушения империй, в частности Российской и Османской, и распада больших государств – Германии, Советского Союза, Югославии и т. д. [2]. Диаспоры мигрантов обычно имеют гражданство страны происхождения, а диаспоры катаклизма имеют гражданство принимающей страны. В то время как мигрантская диаспора формируется в основном добровольно, диаспора катаклизмов формируется произвольно и в большинстве случаев вопреки воли населения. Если учитывать и гармонично сочетать эти два подхода к диаспоре, то можно наиболее полно исследовать роль государства происхождения (homeland state) в формировании транснациональной деятельности. Диаспора катаклизмов тем самым представляет собой так называемое «воображаемое сообщество», принцип членства в котором основывается на предполагаемых разделяемых условных свойствах, таких как общая история, этничность, религия, культура и т.д. Рассматривая потенциальных членов диаспоры каждой отдельно взятой страны достаточно трудно однозначно охарактеризовать ее как “родственное государство” или “государство-донор” (т.е. то, которое отправляет мигрантов), многие содержат черты как одной, так и другой категории, как в случае с Турцией. В истории Турции имели место как массовые переселения населения, так и изменение границ, поэтому Турция имеет потенциал активно задействовать оба типа трансграничного населения, претендуя на обширное, многоуровневое и многослойное определение “диаспоры”. Таким образом, Турция является примером страны, которая развивает политику задействования как родственного населения, так и диаспору мигрантов.

Исследуя политику Турции по задействованию трансграничного родственного населения неизбежно возникает потребность дать четкое определение тем группам населения, которых Турция считает родственными в интересующий нас промежуток времени. Термины “родственное меньшинство” и “родственное государства” являются новыми. Они были введены впервые в 2001 году Венецианской комиссией в “Отчете об отношении национальных меньшинств с родственным государством” [3]. Для обозначения данной группы населения в турецком языке используется термин “akraba topluluklari”, что дословно и переводится как “родственные сообщества”. В Турции впервые он был использован Месут Йылмаз, последователем Тургута Озала в качестве лидера партии Отечества (ANAP), в своей правительственной программе в 1996 году [4]. Последующие правительства подхватили термин. Встречается также более узкий по смыслу термин “soydaş”. Несмотря на то, что весьма сложно давать четкие определения, категория “soydaş” обычно подразумевает языковую общность, в то время как понятие “akraba” основывается на культурной близости. Культурная же близость, как правило, основывается на общности религии и исторических связей. Интерес Турции к задействованию трансграничного населения становится очевидным в период с 1990-х гг. и непрерывно развивается и по сей день. С геополитическими переменами в связи с окончанием Холодной войны у Турции появилась возможность играть ведущую роль не только в Балканском регионе, но и в так называемом “турецком мире”. Экс-президент Турции Тургут Озал провозгласил тогда XXI столетие “веком Турции”, а премьер-министр Сулейман Демирель рас-

суждал о «Турецком мире от Адриатики до Великой китайской стены», где Турция будет играть лидирующую роль, и о Турции как «культурном центре и историческом магните для новых суверенных государств» [5]. Одной из главных задач государства в этот период было установление и институционализация контактов с трансграничным родственным населением, установление с ним «родственной связи». Это проявлялось в создании новых институтов, формировании официальной платформы, департаментов и субдепартаментов, занимающихся связями с этим населением. Так, например, в 1992 году было создано Турецкое агентство по сотрудничеству и развитию (ТИКА). Деятельность данной структуры в основном направлена на предоставление технической помощи, консультаций, созданию совместных проектов, культурного сотрудничества. Турция начиная с октября 1992 года проводит регулярные встречи министров образования и культуры, ежегодные саммиты «тюркоязычных государств», формирует парламентские дружеские группы. Стремление восстановить лингвистические, культурные, религиозные связи с этим населением сопровождалось такими инициативами как Международная организация тюркской культуры, созданная в 1993 году, «Большой студенческий проект» министерства образования, целью которого было спонсирование среднего и высшего образования для студентов из Тюркских республик и родственных сообществ. Общее количество стипендий в период с 1992–2000 г. составило 24,302 [6]. Важное значение также имела активизация деятельности предпринимателей, экспортеров, бизнесменов из Турции по бизнес каналам. В центре внимания тогда находились республики Средней Азии, на Балканах же эти попытки были достаточно слабыми. Одним из первым проявлением родственной политики на Балканах была позиция Турции в Боснийской войне, в ходе которой Анкара впервые воспринимает защиту мусульман вне своих границ как свой внешнеполитический долг. Другим инструментом, целью которого является вовлечение соседних мусульманских сообществ, является Департамент Евроазиатских стран в рамках Министерства иностранных дел, созданный в 1992 году. Его задачами является предоставление педагогического персонала и образовательных материалов, создание мечетей, способствование институционализации религиозной сферы в Тюркских республиках и в регионах, где проживают турецкое и нетурецкое мусульманское меньшинство. При поддержке Фонда министерства по делам религий в 1993–1994 гг. в Баку был открыт факультет теологии и высшая школа теологии, в этом же году такой же факультет был открыт в Киргизстане, в Константе (Румыния) в 1995 открыта теологическая высшая школа, с 1998 года в Болгарии функционируют 3 высшие школы теологии и Институт теологии. Департамент также стал проводить с 1995 года «Евразийский исламский совет», где собираются религиозные лидеры всех этих сообществ. Но в целом религиозное измерение государственной родственной политики оставалось крайне низким до конца 1990-х гг. Деятельность негосударственных религиозных организаций, напротив, была активной еще с начала 1990-х гг. в Средней Азии, на Кавказе и на Балканах. Речь идет, например, о Движении Гюлена. Будучи тюркско-османским националистом Гюлен в 1991 году определил целью внешней политики создание сильной Турции, объединив мусульманские сообщества на Балканах и в тюркских республиках в Центральной Азии. Опираясь на турецко-османский исламский синтез, Гюлен разработал концепцию «турецкого ислама». Он утверждает, что турецкий ислам, представителем которого является Турция, – это прогрессивный, «прирученный» ислам, он совместим с демократией, с пониманием относится к либеральной экономике, и в высшей степени способствует образованию и межрелигиозной толерантности, в отличие от других моделей. Но в целом в первое десятилетие после окончания Холодной войны политика задействия трансграничного родственного населения проявлялась преимущественно в регионе Средней Азии. К концу 1990-х гг. власти вынуждены признать контрпродуктивность такой политики к центрально-азиатским республикам, отсутствие координации между различными структурами, связанными с взаимодействием с родственным населением, а также ограниченность финансовых ресурсов. Стремясь разрешить проблему координации и взаимодействия ТИКА было переведено в подчинение премьер-министра в 1999 году. За три года до смены правительства в 2002 году ТИКА открыла

офисы в Таджикистане, Монголии и Албании, но в то же время объем выделяемых финансовых ресурсов оставался скромным.

С точки зрения развития родственной политики Турции 2002 год является своеобразным рубежом, так как знаменует смену элит: приход умеренной исламистской Партии справедливости и развития (ПСР) на место кемалистской элиты. Такие перемены элит отражают явное различие между доминирующей официальной концепцией государственности, национализма, государственной идентичности, особенно это касается того, как государственная элита относится к османскому наследию, исламу и «Западу». Турция все более активно подчеркивает свой имидж наследницы Османской империи и мусульманской страны, которая не только имеет связи с трансграничным мусульманским населением, но и обязана помогать, защищать те группы населения, которые история взвалила на ее плечи. Способность говорить во имя, защищать трансграничное мусульманское население стало важной частью дискурса ПСР во внутренней политике, а также важным источником поддержания своей легитимности. Категория родственного населения с этого времени формируется уже не только на основе совместного этнического происхождения или членства «тюркском мире». С приходом к власти ПРС этно-национальный аспект национальной идентичности утратил свою силу и уступил место более широкому, исламскому аспекту. Трансграничное родство формуется из сплетения этно-языковых, религиозных и культурно-исторических критериев. Ключевым аспектом этого нового турецкого националистического дискурса было утверждение, что Турция поднялась до уровня формирующейся глобальной силы именно благодаря осознания и использования своей подлинной Османской исламской идентичности. Этот дискурс в значительной степени опирался на демонстрацию глубокого интереса пост-кемалистской Турции к трансграничному родственному населению. Представители турецкой государственной элиты пришли к выводу, что акцент только на этническом аспекте родства ограничивает политико-экономическую область влияния Турции довольно узким физическим и культурным пространством. Формирование родственных связей исключительно на этническом основании не совпадает со стремлением турецкой элиты быть лидером и ориентиром для незападного, исламского цивилизационного пространства. Нынешний премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу в своем фундаментальном труде «Стратегическая глубина» утверждал, что в свете возрастающей роли исламского мира на региональном и глобальном уровнях исламская идентичность Турции, вопреки широко распространенному мнению, не угрожает турецкому государству, а, напротив, открывает перед ним важные стратегические возможности. Давутоглу объяснял это следующим образом: «демографические изменения в пользу мусульманских меньшинств в западных странах открывают перед Турцией возможность увеличения культурного, экономического и политического взаимодействия с Западом через свое воздействие на эти общины» [7, с.115]. В связи с такой переоценкой роли ислама в турецкой идентичности возросла роль созданного еще в 1924 году Министерства по делам религии, или коротко – Диянет. После распада Восточного блока и Советского Союза, Диянет расширил свою международную деятельность, а в начале 1990-х были предприняты первые попытки установить контакты и развивать сотрудничество с исламскими институтами на Балканах, на Кавказе и в Центральной Азии. С приходом к власти ПСР Диянет стал рассматриваться как главный инструмент в попытке разработать национальную светскую государственную идентичность, основанную на турецкой исламской религиозной традиции и светской системе [8].

В последнее десятилетие родственная деятельность активизировалась не только в риторике государственных деятелей, но и на практике. Изменение содержания заявленного понятия трансграничного родственного населения можно проследить и в расширении мандата ТИКА. В первом периоде правления ПСР, ТИКА расширила сеть офисов включив Афганистан (2004), Палестину (2005), Косово (2004), Эфиопию (2005), Македонию (2005), Сенегал (2007) и Черногорию (2007). В период с 2007 по 2011 год число стран возросло до 25. По состоянию на июнь 2015 года офисы ТИКА действовали в 41-х стране, географически охватывая пространство от Балкан до Ближнего Востока и из Южной Азии в Африку. Принято различать два десятилетия – до и после 2002 года –

с точки зрения объема ресурсов агентства и его уровня эффективности и достижений. С расширением бюджета функции агентства также постепенно трансформировались. Оно было призвано отражать восходящую экономическую силу Турции, ее стремление быть престижным актором на международном уровне, быть донором, а не получателем помощи, и дружественным государством, которое несет на себе ответственность, вытекающую из его истории и прошлого величия. Культурно-лингвистический аспект деятельности ТИКА в период с 1999 по 2007 год в основном за счет “тюркологического проекта”, был перенесен в созданный в 2007 году Институт Юнуса Эмре. Основной задачей Института является продвижение турецкого языка и культуры в зарубежных странах [9]. Расположение центров Юнуса Эмре не ограничивается тюркской, этнической или родственной географией, они функционируют в городах Западной Европы, Японии, Южной Африке.

Особое место среди структур, занимающихся конструированием родственных связей с трансграничным населением, занимает созданное в 2010 г. при премьер-министре Министерство по делам турок за рубежом и родственным сообществам – YTB (Yurtdışı türkler ve akraba toplulukları bakanlığı). Министерство состоит из Департамента по делам граждан за рубежом, Департамента социальных и культурных связей и Департамента международных студентов. Задача Департамента социальных и культурных связей определяется как «сотрудничество с этническими и родственными общинами в целях укрепления социальных, культурных и экономических отношений с ними» [10]. Название Департамента звучит довольно мягко и двусмысленно, в отличие от других отделов, которые четко указывают свои целевые группы населения, т.е. Департамент граждан за рубежом и Департамент международных студентов. Население и регионы, которыми занимается данная структура не являются строго и четко фиксированными и классифицированными. Помимо тюркских республик она охватывает очень широкую географию: Балканы, Кавказ, Ближний Восток и Центральную Азию, простираясь до Туниса и Мавритании. Департамент международных студентов и его программа “турецких стипендий” заменили действовавший ранее “Большой студенческий проект” Министерства образования. Стипендии доступны для граждан всех стран. Но согласно статистике 2012–2013 учебного года, большинство принятых студентов были из азиатских стран, таких как Афганистан и Пакистан, из республик Средней Азии, из стран Африки, как Эфиопия, Йемен, Ливия и Сомали, а также из Балкан и Ближнего Востока.

Таким образом, под политикой задействия родственного населения в рамках доктрины неоосманства понимается активное взаимодействие с турецкой “диаспорой катаклизмов”, или по выражению одного из представителей YTB, «исторической и культурной диаспорой», формирование сознания общих исторических корней и чувства единого родства данного населения с турецким этносом. Турецкие власти стремятся избежать четкого определения границ родства и заменить четкие этнолингвистические определения весьма туманными цивилизационными понятиями. Отсутствие четких определений и критериев является осознанным выбором со стороны Турции по нескольким причинам. Прежде всего это результат сознания чувствительности национальных государств к такой теме. Государственные деятели признают, что задействие трансграничного населения, которое не является гражданами Турции или ее мигрантами, имеет большой потенциал спровоцировать межгосударственную напряженность в связи с претензиями нарушения суверенитета принимающего государства. Следовательно, такая неясность обусловлена стремлением избежать возможных проблем в двусторонних отношениях Турции со принимающей страной, а также самого такого населения с принимающей страной. Кроме того, такой подход предоставляет определенную политическую гибкость и возможность для политических маневров. Неоднозначная и общая ссылка на культурную и историческую близость позволяет объединить весьма широкий круг преимущественно мусульманского, но в остальном весьма разнообразного трансграничного населения с различными видами связей с Турцией. По данным Центра стратегических исследований SAM число членов родственных сообществ превышает 200 млн. [11].

Таким образом, уникальное историческое прошлое Турецкой Республики способствовало формированию этнических, религиозных и культурных связей с многими группами населения по

всему миру. Параллельно с активностью в международных отношениях начиная с 1990-х гг. Турция пришла к пониманию важности налаживания более интенсивных отношений с широкой категорией трансграничного населения, состоящего из эмигрантов, соотечественников и родственных народов. При этом, если в первое десятилетие после окончания Холодной войны категория “родственного” применялась к населению преимущественно по этническому принципу (то, что в английском языке звучит как *co-ethnic*, а в турецком *soydaş*), а родственная политика активно велась только в направлении новообразованных республик Средней Азии, то приход к власти Партии справедливости и развития в 2002 году ознаменовал собой глубокие политические и идеологические перемены. Этно-национальный аспект турецкой национальной идентичности утратил свою силу и уступил место более широкому, исламскому аспекту. Сегодня определение родства исходит из таких понятий как общее историческое прошлое, этническая, культурная, религиозная близость и т.д., которые являются весьма неопределенными и легко оспоримыми. Отсутствие четких критериев «родства» связано со стремлением избежать возможных проблем в двусторонних отношениях Турции с другими государствами, желанием иметь пространство для политических маневров и другими причинами. Возобновление османского дискурса в политической жизни Турции, география распространения и динамика деятельности вышеперечисленных институтов позволяет сделать вывод о том, что в последние десятилетия Турция активно проводит политику конструирования связей с так называемым “воображаемым сообществом” трансграничного населения, именуемого турецкой диаспорой катаклизмов. Данный процесс происходит прежде всего путем формирования сознания общих исторических корней и чувства единого родства. Основными инструментами такой политики выступают структуры Министерство по делам турок за рубежом и родственных сообществ, ТИКА, Министерство по делам религий и Фонд Диянет, Институт Юнуса Эмре и др. Стоит также отметить, что задействование родственных сообществ является ключевым элементом более широкой стратегии задействования диаспоры, где родственное население выступает лишь ее частью.

ЛИТЕРАТУРА

1. International organisation for migration [Электронный ресурс] // International organization for migration official web-page – Режим доступа до ресурсу: <http://www.iom.int/>.
2. Brubaker R. Accidental Diasporas and External. “Homelands” in Central and Eastern. Europe: Past and Present [Электронный ресурс] / R. Brubaker // Institute for advanced studies. – 2000. – Режим доступа до ресурсу: http://www.sscnet.ucla.edu/soc/faculty/brubaker/Publications/19_Accidental_Diasporas.pdf
3. Report on the Preferential Treatment of National Minorities by Their Kin-State [Электронный ресурс] // Venice Commission. – 2001. – Режим доступа до ресурсу: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/CDL-INF%282001%29019-e.aspx>.
4. II. Yılmaz Hükümeti Programı [Электронный ресурс] // Türkiye Büyük Millet Meclisi – Режим доступа до ресурсу: <https://www.tbmm.gov.tr/hukümetler/HP53.htm> .
5. Аватков В. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия Турции [Электронный ресурс] / В. Аватков. – 2015. – Режим доступа до ресурсу: <http://svom.info/entry/458-neoosmanizm/>
6. Окуай А. Diaspora-making as a State-led Project Turkey's Expansive Diaspora Strategy and its Implications for Emigrant and Kin Populations [Электронный ресурс] / A.S. Okuyay // European University Institute. – 2015. – Режим доступа до ресурсу: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=...DiasporamakingasastateledprojectTurkeyexpansivediasporastrategyanditsimplicationsforemigr.aspx&usq=AFQjCNGP6gDGYKKG3Das_t2cW7CzBY8iBGQ&bvm=bv.119745492,d.bGg&cad=rjt.
7. Davutoğlu A. Stratejik derinlik / A. Davutoğlu. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – 584 с.
8. Solberg A. The Role of Turkish Islamic Networks in the Western Balkans [Электронный ресурс] / A.R. Solberg // SÜDOSTEUROPA. – 2007. – Режим доступа до ресурсу: https://www.uploady.com/#!/download/MGyY9FahLuE/_j35ov14YNCC1faZ.
9. Yunus Emre Enstitüsü [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института Юнуса Эмре. – Режим доступа до ресурсу: <http://www.yee.org.tr/yunusemreenstitusu>.

10. Yurtdışı Türkler ve Akraba Topluluklar Başkanlığı [Електронний ресурс] // Официальный сайт Министерства по делам турок за рубежом и родственных сообществ – Режим доступа до ресурсу: <http://www.ytb.gov.tr/kurumsal.php>.
11. Yurtnaç K. Turkey's New Horizon: Turks Abroad and Related Communities [Електронний ресурс] / К. Yurtnaç // SAM. – 2012. – Режим доступа до ресурсу: http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/10/SAM_paper_ing_03.pdf.

Я.О. Волкова. Туреччина як споріднена держава: формування зв'язків зі спорідненим населенням в постбіполярний період. – Стаття.

Анотація. У сучасному світі поняття "діаспора" та "споріднене населення" перетворюються на важливий елемент міжнародних відносин. Багато країн працюють над активізацією інструментів публічної дипломатії, "м'якої сили", і розширенням сфери свого впливу через діаспори. Формування політики по відношенню до споріднених громад стало однією з основних частин політики Туреччини, яка прагнула стати важливою силою в регіоні і в світі в умовах нових реалій після завершення Холодної війни. У даній статті освячуються особливості розвитку політики Туреччини з конструювання і зміцненню зв'язків з спорідненим транскордонним населенням в посткомуністичний період, а також основні інструменти її здійснення.

Ключові слова: діаспора, споріднена держава, споріднене населення, Туреччина.

Yana A. Volkova. Turkey as a Kin State: Construction Links with Kin Population in the Post-Bipolar Period. – Article.

Summary. In today's world "diaspora" and "kin population" concepts become an important element in international relations. Many countries are working on the activation of its public diplomacy instruments, "soft power" and the expansion of its sphere of influence through their diaspora. The policy towards kin communities has become a fundamental part of Turkey's policy, which sought to become an important force in the region and in the world in a new post-Cold War realities. This article sanctified peculiarities of Turkey's policy on the construction and strengthening of relationships with cross-border kin population in the post-communist period, as well as the basic tools for its implementation.

Key words: diaspora, kin state, kin population, Turkey.

УДК 327(477)

В.І. Головченко,
доктор політичних наук, професор,
Інститут міжнародних відносин
Київського національного університету ім. Тараса Шевченка,
м. Київ, Україна

МІЖНАРОДНО-ІСТОРИЧНЕ ПІДґРУНТЯ УКРАЇНСЬКО- ГРУЗИНСЬКОГО ПАРТНЕРСТВА

Анотація. Для визначення якісного стану і перспектив розвитку партнерських відносин між суміжними чи географічно близькими державами, особливо коли йдеться про їхній стратегічний (чи такий, що наближається до нього) рівень, одним із головних критеріїв виступає наявність історичних прецедентів і відповідного досвіду двосторонніх зносин. Такий підхід цілком виправданий при ретроспективному аналізові українсько-грузинського співробітництва на міждержавному рівні. Розглядаються міжнародно-політичні обставини налагодження українсько-грузинських міждержавних зв'язків під час Української революції 1917–1920 рр., аналізується геополітичне підґрунтя формування стратегічного партнерства двох держав.

Ключові слова: Грузинська Демократична Республіка, договір, мирна конференція, партнерство, Чорноморський регіон.